Дата поступления рукописи в редакцию: 03.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-406-414

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, ORCID -0000-0001-5668-615X,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В РОССИИ XVI-XVIII ВЕКОВ: ОТ ПУБЛИЧНОГО УСТРАШЕНИЯ К ГОСУДАРСТВЕННО-УТИЛИТАРНОЙ МОДЕЛИ

Аннотация. *В статье исследуется эволюция уголовного наказания в России XVI-XVIII вв. как процесс изменения не только перечня карательных мер, но и их политико-правового назначения. На основе Судебника 1550 г., Соборного уложения 1649 г., Артикула воинского 1715 г., указного законодательства и «Наказа» Екатерины II выявлены основные этапы перехода от сословно-репрессивной модели к государственно-утилитарной системе наказаний. Обосновано, что в XVI в. наказание преимущественно обеспечивало централизацию власти, публичное устрашение и устранение «лихих людей», а тюремное заключение лишь начинало приобретать самостоятельное значение. В XVII в. произошло расширение и дифференциация смертных, телесных, позорящих, имущественных наказаний, ссылки и лишения свободы; одновременно наказание стало инструментом защиты государева порядка и закрепления сословной иерархии. Петровское законодательство придало репрессии дисциплинарный и мобилизационный характер, связав каторгу и ссылку с потребностями армии, флота, строительства и колонизации. Во второй половине XVIII в. возникло противоречие между гуманистической доктриной ограничения пытки и смертной казни и сохранением жестких телесных и сословно обусловленных практик. Сделан вывод о нелинейности гуманизации: сокращение физического уничтожения сопровождалось институционализацией принудительного труда, административной изоляции и поражения прав.*

Ключевые слова: *уголовное наказание, Судебник 1550 г., Соборное уложение, Артикул воинский, смертная казнь, телесные наказания, тюрьма, ссылка, каторга, гуманизация.*

MAISTRENKO Grigory Aleksandrovich,
Candidate of Law, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

THE EVOLUTION OF CRIMINAL PUNISHMENT IN RUSSIA IN THE SIXTEENTH-EIGHTEENTH CENTURIES: FROM PUBLIC DETERRENCE TO A STATE-UTILITARIAN MODEL

Annotation. *The article examines the evolution of criminal punishment in Russia from the sixteenth to the eighteenth century as a transformation of both sanctions and their political and legal functions. Drawing on the 1550 Sudebnik, the 1649 Sobornoye Ulozhenie, the 1715 Military Article, imperial decrees, and Catherine II's Instruction, the study identifies the transition from an estate-based repressive model to a state-utilitarian penal system. In the sixteenth century, punishment supported political centralization, public deterrence, and the removal of "dashing people," while imprisonment only began to develop as an independent sanction. During the seventeenth century, capital, corporal, dishonouring, property, custodial, and exile penalties were expanded and differentiated; punishment protected the sovereign's order and reproduced estate hierarchy. Petrine legislation gave repression a disciplinary and mobilizational function by linking penal servitude and*

exile to the needs of the army, navy, construction projects, and territorial colonization. In the second half of the eighteenth century, a conflict emerged between doctrines restricting torture and capital punishment and the continued use of harsh corporal and estate-dependent practices. The article concludes that humanization was nonlinear: reduced physical destruction was accompanied by institutionalized forced labour, administrative isolation, and deprivation of legal status.

Key words: *criminal punishment, Sudebnik of 1550, Sobornoye Ulozhenie, Military Article, death penalty, corporal punishment, imprisonment, exile, penal servitude, humanization.*

Введение

История уголовного наказания в России XVI-XVIII вв. обычно описывается как последовательное движение от жестоких средневековых казней к более рациональным формам государственного принуждения. Подобная схема отражает лишь часть происходивших изменений. На протяжении трех столетий новые санкции не вытесняли прежние, а наслаивались на них: публичная смертная казнь сосуществовала с денежными взысканиями, торговая казнь - с тюремным заключением, членовредительство - со ссылкой, а просветительская критика пытки - с расширением каторжного труда. Поэтому развитие наказания следует понимать не как прямую гуманизацию, а как перестройку карательного механизма в связи с централизацией Московского государства, утверждением самодержавия и формированием имперской административной системы.

Актуальность исследования обусловлена тем, что именно в рассматриваемый период сложились устойчивые свойства отечественной пенальной политики: зависимость строгости наказания от политической значимости охраняемого интереса; сочетание судебной репрессии с административным усмотрением; сословная дифференциация правовых последствий; использование осужденных для решения хозяйственных и территориальных задач. Эти исторические конструкции позднее были преобразованы, но не исчезли бесследно. Их анализ позволяет точнее определить происхождение тюремного заключения, ссылки, каторги, лишения чести и прав, а также понять, почему отказ от смертной казни не всегда означал уменьшение фактической жестокости принуждения.

Цель статьи состоит в выявлении закономерностей эволюции целей, системы и практики уголовных наказаний в России XVI-XVIII вв. Для ее достижения решаются следующие задачи: раскрывается роль Судебника 1550 г. в формировании государственного монополизма на наказание; анализируется систематизация санкций в Соборном уложении 1649 г.; определяется дисциплинарно-мобилизационный смысл петровской репрессии; исследуется противоречивое влияние идей Просвещения на законодательство середины и второй половины XVIII в.; формулируется периодизация развития наказания. Методологическую основу составили историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Научная новизна заключается в интерпретации указанного периода через смену трех моделей: централизационно-устрашительной, сословно-полицейской и государственно-утилитарной, с последующим появлением гуманистического корректива.

1. Судебник 1550 г.: наказание как средство централизации и публичного устрашения

Судебник 1550 г. был принят в условиях укрепления единой государевой юрисдикции и ограничения судебно-административного произвола наместников. Его уголовно-правовые положения не образовывали самостоятельной отраслевой кодификации, однако демонстрировали качественное изменение понимания преступления. «Лихое дело» все отчетливее воспринималось не только как частная обида, требующая возмещения потерпевшему, но и как нарушение установленного порядка, которое затрагивает интерес государя и всего управляемого сообщества [1, ст. 8-14; 14]. Тем самым наказание становилось публичной реакцией власти, а потерпевший постепенно утрачивал возможность единолично определять судьбу виновного.

Система санкций Судебника включала смертную казнь, торговую казнь, битье кнутом или батогами, тюремное заключение, денежные взыскания, возмещение ущерба, отстранение от должности и государеву опалу. Ее характерной чертой было сочетание нескольких мер в одной санкции. Так, торговая казнь могла дополняться взысканием стоимости похищенного, продажей имущества, отрешением от должности либо помещением в тюрьму [1, ст. 10-13, 32, 42]. Публичное битье на торгу имело двойное содержание: причиняло физическую боль и демонстративно разрушало социальную репутацию осужденного. Наказание обращалось не только к телу виновного, но и к аудитории, перед которой государство подтверждало способность поддерживать порядок [15].

Смертная казнь применялась к «ведомым лихим людям», государственным изменникам, разбойникам, рецидивистам и некоторым категориям воров. При этом Судебник не всегда устанавливал конкретный способ лишения жизни, оставляя его практике и государеву усмотрению.

Неопределенность санкции усиливала устрашающее действие: адресат нормы знал о предельной строгости возможной кары, но не мог заранее вычислить ее точную форму. Такая техника была функциональна для раннецентрализованного государства, поскольку позволяла приспосабливать репрессию к личности виновного, его сословному положению, повторности деяния и политической ситуации: наказание назначалось «смотря по человеку» и «смотря по вине» [1, ст. 25, 70, 87].

Особое значение Судебника 1550 г. связано с тюремным заключением. В предшествующей правовой традиции изоляция чаще выступала способом удержания обвиняемого, заложника или политического противника. В Судебнике помещение «в тюрму» стало регулярно использоваться и как самостоятельная санкция, и как дополнение к телесному наказанию. Закон предусматривал заключение до представления поручительства, до государева указа и, в отдельных случаях, «до смерти» [1, ст. 4, 6-13, 33-34, 42, 52-56, 67, 71; 13]. Это еще не означало возникновения пенитенциарной идеи исправления: государство не создавало режима воспитательного воздействия, не обеспечивало единообразных сроков и условий содержания. Тем не менее изоляция приобрела собственную карательную ценность и стала важным индикатором институционального усиления власти.

Появление тюрьмы не отменило преобладания телесных и имущественных мер. Содержание заключенных было организационно слабым; обеспечение нередко зависело от родственников, милостыни и местной администрации. Поэтому длительная изоляция была дорога и не всегда эффективна. Напротив, штраф, торговая казнь или смертная казнь исполнялись быстро, наглядно и не требовали постоянного финансирования. Этим объясняется, почему в XVI в. лишение свободы еще не стало центральным наказанием, хотя нормативные предпосылки для его развития уже сложились. Основной целью оставалось устрашение, а также физическое или социальное удаление лица, признанного устойчивым источником опасности.

Таким образом, модель наказания XVI в. можно определить как централизационно-устрашительную. Ее содержание формировали государственная монополизация кары, публичность исполнения, множественность дополнительных последствий и широкое усмотрение верховной власти. В этой модели уже присутствовали элементы индивидуализации, поскольку учитывались повторность, служебное положение и обстоятельства деяния, однако они не были связаны с принципом равенства. Напротив, правовой статус виновного определял вид и интенсивность репрессии: опала и лишение должности были значимы для служилой элиты, тогда как телесные меры преимущественно воздействовали на податные и зависимые слои.

2. Соборное уложение 1649 г.: систематизация репрессии и защита государева порядка

Соборное уложение 1649 г. стало первым печатным общегосударственным сводом, в котором уголовно-правовые запреты и санкции были представлены значительно шире и последовательнее, чем в Судебниках. Особая часть карательных предписаний была распределена по главам о преступлениях против веры, государевой чести и здоровья, порядка управления, суда, собственности, личности и нравственности [2]. Уже структура Уложения показывает изменение объекта уголовно-правовой охраны: на первом месте находились церковь, монарх и государственный аппарат, а затем - частные интересы. Иерархия наказаний воспроизводила иерархию защищаемых ценностей.

Главной функцией суровых санкций оставалось «примерное» наказание, то есть воздействие на неопределенный круг наблюдателей. Формулы «казнити смертию безо всякия пощады», «чтобы иным неповадно было» и указания исполнять кару «при многих людях» раскрывают превенцию через зрелище физического уничтожения или страдания. Смертная казнь могла быть простой и квалифицированной; применялись повешение, отсечение головы, сожжение и иные способы. Наряду с ней действовали членовредительные наказания - отсечение частей тела, урезание ушей, вырывание ноздрей, клеймение, а также болезненные наказания кнутом и батогами. Повреждение тела выполняло функцию долговременного знака судимости: клеймо и увечье облегчали распознавание рецидивиста и одновременно исключали его из полноценных социальных отношений.

Уложение усилило нормативную дифференциацию ответственности за имущественные преступления. В главе XXI «О разбойных и о татиных делех» наказание зависело от повторности, характера насилия, признания лица «ведомым лихим человеком» и последствий деяния. Первая кража могла повлечь торговую казнь, возмещение и тюремное заключение; повторные эпизоды резко повышали строгость, вплоть до смертной казни [2, гл. XXI, ст. 9-17]. В этой конструкции рецидив понимался не только как повторное нарушение, но и как доказательство устойчивой опасности личности. Система стремилась не столько соразмерить кару с единичным вредом, сколько распознать и устранить профессионального преступника.

Важной тенденцией стало расширение тюремного заключения. Уложение предусматривало сроки от нескольких дней и месяцев до

нескольких лет, бессрочное содержание и заключение «до государева указу». Однако тюрьма по-прежнему не имела единой правовой природы. Она могла быть мерой пресечения, самостоятельным наказанием, способом принудить к исполнению обязанности, местом ожидания телесной кары или этапом перед ссылкой. Эта многофункциональность объяснялась отсутствием специализированной системы исполнения наказаний. Государство развивало саму возможность длительного удержания человека, но еще не отделяло процессуальную изоляцию от карательного лишения свободы.

Одновременно Уложение и последующее указное право расширяли ссылку. В XVII в. она использовалась для удаления политически и уголовно неблагонадежных лиц, заселения окраин и обеспечения служебных потребностей. Ссылка в Сибирь постепенно превращалась из исключительной государевой опалы в массовую меру уголовной и административной политики. Ее адресат мог направляться «на вечное житье», на службу, в острог или на работы; иногда вместе с ним высылалась семья. Последнее демонстрирует неполную реализацию принципа личной ответственности: государство воспринимало дворохозяйство как единицу переселения и контроля, а семейное сопровождение - как средство закрепления населения на новых территориях [20; 21].

Имущественные наказания также приобрели более сложное содержание. Штрафы, взыскание в кратном размере, конфискация и обращение имущества в пользу государя или потерпевшего сочетались с должностными и телесными мерами. Конфискация особенно активно применялась при государственных преступлениях, коррупционных злоупотреблениях и некоторых посягательствах на собственность. Для представителя служилого сословия лишение поместья, чина или чести могло быть не менее разрушительным, чем телесная кара, поскольку уничтожало его юридическое положение и экономическую основу службы. Тем самым система наказаний воздействовала на разные «носители» личности - жизнь, тело, свободу, честь, имущество и сословный статус.

Сословность была не побочным недостатком, а конструктивным принципом Уложения. Закон защищал честь и имущество лиц неодинаково и допускал различные последствия для субъектов разного положения. Привилегированные лица чаще подвергались опале, лишению чести, должности и имущества; низшие сословия - телесным и позорящим наказаниям. Вместе с тем государственные преступления могли преодолевать сословные различия: посягательство на монарха ставило виновного вне обычной системы привилегий. В этом проявлялся приоритет политической лояльности над сословной солидарностью.

Следовательно, в XVII в. наказание приобрело черты сословно-полицейской модели. Репрессия стала более системной, охватила широкий круг отношений и соединила судебное возмездие с профилактическим контролем населения. Ее жестокость объяснялась не только архаическими представлениями о талионе, но и задачей сделать власть видимой в условиях ограниченных коммуникаций и слабого административного аппарата. Публичная казнь компенсировала недостаточность постоянного полицейского присутствия: единичное зрелище должно было производить длительный дисциплинирующий эффект.

3. Петровская эпоха: дисциплина, каторга и мобилизация осужденного труда

Реформы Петра I изменили функциональное назначение наказания. Государство, строившее регулярную армию, флот и новую систему управления, нуждалось не только в устрашении, но и в дисциплине, стандартизации службы и мобилизации ресурсов. Артикул воинский 1715 г. формально предназначался для военнослужащих, однако его нормы применялись шире и влияли на общую судебную практику. Документ содержал 209 артикулов, сопровождался толкованиями и более последовательно описывал преступления, формы вины, соучастие, покушение и обстоятельства ответственности [3; 10].

Система наказаний Артикула отличалась чрезвычайной суровостью. Смертная казнь предусматривалась за широкий круг религиозных, государственных, воинских и общеуголовных деяний. Исследователи по-разному подсчитывают число таких санкций, поскольку часть из них была альтернативной или зависела от толкования, однако общая тенденция несомненна: законодатель демонстрировал готовность уничтожить нарушителя, если его поведение подрывало воинскую дисциплину и государеву службу [17]. Применялись расстрел, повешение, отсечение головы, колесование, четвертование, сожжение и иные квалифицированные формы. Выбор способа зависел от символического смысла преступления и статуса осужденного.

Телесные наказания были приспособлены к военной организации. Шпицрутены, кнут, батоги, заковывание в железо, пробитие руки, отсечение пальцев, ушей или носа одновременно причиняли боль, клеймили нарушителя и восстанавливали дисциплинарную иерархию. Для офицера особое значение имели лишение чина, разжалование, увольнение со службы, лишение чести и «шельмование». Последнее означало гражданско-правовую и символическую смерть: лицо объявлялось бесчестным, исключалось из корпоративной среды и утрачивало способность пользоваться рядом прав. Петровская модель тем самым четко различала телесную репрессию нижних чинов

и статусную репрессию служилой элиты, хотя при тяжких преступлениях это различие сокращалось.

Наиболее значимым новшеством стала институционализация каторги. Сам термин был связан с галерным трудом, но быстро распространился на работы в крепостях, гаванях, на заводах, рудниках и строительстве. В отличие от прежних «государевых работ», каторга стала системно соединять лишение свободы, удаление от места жительства, поражение прав и принудительный труд. Наказание назначалось на срок или пожизненно; место его отбывания могло изменяться в соответствии с хозяйственными потребностями государства [18]. Осужденный превращался в управляемый трудовой ресурс, а репрессия приобретала прямую экономическую полезность.

Ссылка и каторга решали сразу несколько задач. Во-первых, они изолировали опасное лицо от прежней социальной среды. Во-вторых, обеспечивали заселение и удержание удаленных территорий. В-третьих, давали дешевую рабочую силу для проектов, которые трудно было обеспечить свободным наймом. В-четвертых, создавали резерв наказаний, способных заменить смертную казнь, если физическое уничтожение преступника противоречило интересу государства в рабочей силе. Поэтому рост каторги нельзя однозначно считать гуманизацией. Сохранение жизни сопровождалось крайне тяжелыми условиями, высокой смертностью, семейным разрывом и фактическим превращением человека в объект хозяйственного распоряжения [11; 20].

Петровская политика усилила взаимопроникновение уголовного и административного принуждения. На работы и в ссылку направлялись не только лица, осужденные судом за преступления, но и бродяги, неплательщики, нарушители паспортно-полицейских требований, несостоятельные должники и иные категории, признанные «непотребными» или социально бесполезными. Граница между наказанием за виновное деяние и мобилизационной мерой была подвижной. Именно поэтому уголовное наказание XVIII в. следует исследовать в контексте полицейского государства, где безопасность, дисциплина, фискальный интерес и трудовая повинность образовывали единый комплекс.

При всем ужесточении Артикул способствовал рационализации наказания. Толкования разъясняли основания ответственности, различали умысел и неосторожность, оконченное деяние и покушение, исполнителя и соучастника. В отдельных случаях допускались альтернативные санкции и учет обстоятельств. Но эта рационализация не была гуманистической в современном смысле. Ее задачей являлось предсказуемое управление служилым коллективом: наказание должно было быть понятным, быстрым и полезным для поддержания боеспособности. Формальная определенность сочеталась с широкой властью суда и монарха заменять, усиливать или смягчать кару.

Таким образом, в первой четверти XVIII в. сформировалась государственно-утилитарная модель наказания. В ней возмездие и публичное устрашение не исчезли, но были подчинены логике регулярного государства. Тело преступника стало не только объектом боли и позора, но и источником труда; ссылка - не только удалением, но и инструментом колонизации; лишение чести - не только моральным осуждением, но и механизмом исключения из служебной корпорации. Это был переход от эпизодической репрессии к управляемому использованию наказанного человека.

4. Середина и вторая половина XVIII в.: мораторий, «политическая смерть» и просветительская критика наказания

После Петра I жесткая система наказаний продолжала действовать, однако в середине XVIII в. возник важный прецедент ограничения смертной казни. При Елизавете Петровне исполнение смертных приговоров было приостановлено; формально соответствующие санкции сохранялись, но дела направлялись на высочайшее рассмотрение, а лишение жизни заменялось телесным наказанием, клеймением, вырыванием ноздрей, каторгой или ссылкой. Поэтому елизаветинскую практику точнее характеризовать как мораторий, а не законодательную отмену смертной казни [19].

Этот опыт имел двойственное содержание. С одной стороны, государство в течение длительного времени отказалось от физического уничтожения осужденных, что стало заметным европейским явлением и создало аргумент в пользу возможности поддерживать порядок без регулярных казней. С другой стороны, заменяющие меры были чрезвычайно жестокими и нередко означали «медленную смерть» на каторге. Понятие «политической смерти» также не было однозначным: оно могло обозначать инсценировку казни, лишение состояния, чести и прав либо комплекс телесных и ссыльных мер. Следовательно, сокращение смертных экзекуций сопровождалось переносом репрессии с момента казни на длительное поражение телесной, социальной и правовой личности.

В правление Екатерины II вопрос о наказании получил доктринальное оформление в «Наказе» Комиссии о составлении проекта нового Уложения 1767 г. Под влиянием Монтескье и Беккариа в нем были сформулированы идеи законности, соразмерности, предупреждения преступлений, ограничения смертной казни и недопустимости пытки как средства получения достоверного признания [4, ст. 79-210]. Наказание должно было

быть необходимым, умеренным и направленным на предотвращение нового вреда, а не на демонстрацию неограниченной жестокости. Особенно важна мысль о том, что лучше предупреждать преступления, чем наказывать их: она переносила центр уголовной политики с возмездия на организацию законного порядка.

Однако «Наказ» не стал уголовным кодексом, а его гуманистические положения реализовывались непоследовательно. Сословная структура империи сохранялась; помещичья власть над крестьянами расширялась указами 1760 и 1765 гг., позволявшими отправлять зависимых людей в Сибирь на поселение или в каторжные работы. Такая ссылка могла назначаться не государственным судом, а владельцем, который фактически участвовал в отправлении карательной власти [18]. Здесь просветительский принцип равенства перед законом вступал в прямое противоречие с крепостным правом. Юридическая гуманизация центра сопровождалась децентрализацией репрессии в помещичьей вотчине.

Во второй половине XVIII в. продолжалось расширение принудительного труда и административной ссылки. Осужденных направляли на горные предприятия, строительство, крепостные работы и поселение. После восстания Е. И. Пугачева государство продемонстрировало, что готово возвращаться к показательной смертной казни при угрозе основам политического строя. Это подтверждает условность гуманистического поворота: умеренность действовала до тех пор, пока власть не воспринимала преступление как экзистенциальный вызов. Государственные преступления сохраняли особый режим, в котором политическая целесообразность преобладала над общими рассуждениями о мягкости наказаний.

К концу XVIII в. законодатель стремился упорядочить распределение осужденных между каторгой, поселением, крепостными работами и другими формами изоляции. При Павле I указ 1797 г. дифференцировал направления в зависимости от тяжести деяния, что свидетельствовало о постепенном формировании административной классификации наказанных [20]. Но общей системы сроков, единых учреждений и устойчивых гарантий прав осужденных еще не существовало. Переход от телесной кары к лишению свободы и труду был организационно незавершенным: тюрьма, этап, каторга, ссылка и поселение образовывали взаимосвязанный, но неоднородный комплекс.

Итак, гуманизация второй половины XVIII в. имела главным образом доктринальный и селективный характер. Она ограничивала наиболее демонстративные формы физического уничтожения, критиковала пытку и вводила язык соразмерности, но не устраняла сословность и хозяйственную эксплуатацию осужденных. Более того, отказ от казни способствовал росту длительных наказаний, связанных с изоляцией, принудительным трудом и поражением прав. В исторической перспективе это стало важным шагом к пенитенциарной системе XIX в., однако ценой нового типа государственного контроля над временем, перемещением и трудом человека.

5. Основные закономерности развития системы наказаний в XVI-XVIII вв.

Проведенный анализ позволяет выделить несколько сквозных закономерностей. Первая - последовательное усиление публичного характера уголовной репрессии. В XVI в. государство оттесняло частное возмещение и общинные формы реагирования; в XVII в. закрепило развернутую систему преступлений против государя и порядка управления; в XVIII в. подчинило наказание задачам регулярной администрации. Монополия государства проявлялась не только в праве лишать жизни или свободы, но и в праве определять общественную полезность осужденного.

Вторая закономерность - изменение основного объекта карательного воздействия. Ранние санкции были ориентированы прежде всего на имущество, тело и публичную честь. Затем возрастало значение свободы перемещения, места жительства, служебного состояния и трудоспособности. Каторга и ссылка создавали комплексное наказание, одновременно затрагивавшее тело, свободу, семью, имущество, права и труд. Именно комплексность, а не формальная мягкость отдельной меры, определяла реальную тяжесть репрессии.

Третья закономерность - сохранение сословной асимметрии при усложнении юридической техники. Законодатель все точнее описывал составы преступлений и варианты наказаний, но не стремился к равенству субъектов. Разжалование, шельмование и конфискация были рассчитаны на служилого человека; кнут, батоги, клеймение и рвание ноздрей - преимущественно на низшие сословия; помещичья ссылка крестьян вообще выводила карательное решение за пределы полноценного государственного суда. Поэтому рационализация уголовного права могла сосуществовать с институциональным неравенством.

Четвертая закономерность - возрастание экономической функции наказания. В XVI в. штраф и продажа имущества пополняли казну и возмещали вред. В XVII в. ссылка содействовала освоению территорий. В XVIII в. каторга превратила принудительный труд в существенный ресурс имперского строительства. В результате государство стало заинтересовано не только в устрашении преступника, но и в сохранении его как рабочей силы. Эта мотивация частично огра-

ничивала смертную казнь, однако не обязательно уменьшала страдание осужденного.

Пятая закономерность - расширение административного усмотрения. Неопределенные санкции Судебника, государев указ в Уложении, военно-судебное усмотрение по Артикулу, высочайшее утверждение смертных приговоров и помещичья отправка крестьян в ссылку представляли разные формы персонализированного решения. При слабой институциональной специализации именно усмотрение обеспечивало гибкость системы. Но оно же создавало зависимость наказания от статуса, связей и политической конъюнктуры, препятствуя устойчивой законности.

Шестая закономерность - нелинейная гуманизация. Ограничение смертной казни и критика пытки были значимыми достижениями правовой мысли. Вместе с тем они не означали немедленного перехода к уважению человеческого достоинства. Жестокость перемещалась из публичного пространства казни в длительность этапа, каторжного труда, бессрочной ссылки и гражданской смерти. Историко-правовая оценка должна учитывать не только формальное название санкции, но и совокупность ее фактических последствий.

Предложенная периодизация не исключает преемственности. Централизационно-устрашительная модель XVI в. сохранилась в публичных казнях XVII-XVIII вв.; сословно-полицейская модель Уложения продолжала действовать параллельно с Артикулом; государственно-утилитарная логика Петра I определяла ссыльно-каторжную практику до конца столетия. Гуманистический корректив не заменил прежние модели, а наложился на них, ограничивая отдельные формы и постепенно изменяя язык легитимации наказания.

Заключение

Развитие уголовного наказания в России XVI-XVIII вв. представляло собой переход от преимущественно публичной и телесной репрессии к сложной системе, сочетавшей смертную казнь, телесные и позорящие меры, имущественные взыскания, лишение статуса, тюрьму, ссылку, каторгу и принудительные работы. Судебник 1550 г. закрепил государственную направленность наказания и расширил применение тюремного заключения. Соборное уложение 1649 г. систематизировало сословно организованную репрессию и связало тяжесть санкции с иерархией охраняемых интересов. Артикул воинский 1715 г. придал наказанию дисциплинарный и мобилизационный смысл, превратив осужденного в ресурс регулярного государства.

В середине XVIII в. мораторий Елизаветы Петровны показал возможность длительного отказа от исполнения смертных приговоров, но одновременно расширил практику жестких заменяющих наказаний. «Наказ» Екатерины II ввел в российский правовой дискурс идеи соразмерности, предупреждения, ограничения пытки и смертной казни. Однако эти положения не преодолели сословность, крепостническую карательную власть и хозяйственное использование осужденных. Поэтому гуманизация была противоречивой: физическое уничтожение постепенно уступало место длительному контролю над свободой, статусом и трудом.

Исторический итог рассматриваемого периода состоит в формировании предпосылок будущей пенитенциарной системы. Наказание перестало быть только актом возмездия и устрашающим зрелищем; оно стало продолжительным процессом административного управления человеком. Одновременно возникла потребность в кодификации, классификации осужденных, определении сроков и организации мест содержания. Именно эта двойственность - развитие юридической рациональности при сохранении сословного неравенства и жесткой государственной целесообразности - определила дальнейшую эволюцию российского уголовного и уголовно-исполнительного права в XIX столетии.

Список литературы:

[1] Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский; под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1985. 520 с.

[2] Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов / отв. ред. А. Г. Маньков; под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1985. 511 с.

[3] Артикул воинский 1715 г. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков; под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1986. 512 с.

[4] Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. Е. И. Индова; под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1987. 528 с.

[5] Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Феникс, 1995. 640 с.

[6] Исаев И. А. История государства и права России: учебник. М.: Проспект, 2012. 800 с.

[7] Маньков А. Г. Уложение 1649 года - кодекс феодального права России. Л.: Наука, 1980. 271 с.

[8] Соборное уложение 1649 года / подгот.

текста Л. И. Ивиной; отв. ред. А. Г. Маньков. Л.: Наука, 1987. 448 с.

[9] Филиппов А. Н. О наказаниях по законодательству Петра Великого в связи с реформою. М.: Университетская типография, 1891. 469 с.

[10] Бобровский П. О. Военное право в России при Петре Великом. Артикул воинский. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1882. Вып. 1.

[11] Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. Тула: Автограф, 2000. 272 с.

[12] Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1923. 342 с.

[13] Кораблин К. К. Эволюция наказания в виде тюремного заключения в Судебнике 1550 года // Образование и право. 2020. № 11. С. 281-288. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-11147..

[14] Лоба В. Е. Понимание преступления и наказания по Судебникам XV-XVI веков // Философия права. 2015. № 3 (70). С. 93-98.

[15] Размахов К. Е. Телесные наказания в Российском государстве допетровского периода // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4 (48). С. 103-108.

[16] Абдулханнянов И. А. Ретроспективное исследование уголовно-правовой фикции в нормах Соборного уложения 1649 года // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 172-176. DOI: 10.36511/2078-5356-2022-2-172-176..

[17] Егошин О. А. Виды наказаний в отношении военнослужащих и их применение в эпоху Петра I // Марийский юридический вестник. 2009. Вып. 7. С. 45-52.

[18] Медведев А. А. Правовое закрепление и практика применения наказаний, связанных с ограничением свободы, в период правления Петра I // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1 (33). С. 50-53.

[19] Марасинова Е. Н. Смертная казнь и политическая смерть в России середины XVIII века // Российская история. 2014. № 4. С. 53-70.

[20] Михайлова Н. В., Яцкова А. П. Эволюция целей и форм ссылки в российском законодательстве XVI-XVIII вв. // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 105-109. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-4-105-109..

[21] Иванов А. А., Курас С. Л., Курас Т. Л. Сибирская ссылка и ее реформирование в период правления Петра Великого (XVII-XVIII вв.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 24-31.

[22] Черехович М. М. Развитие системы наказаний без изоляции от общества в российском уголовном праве до 1917 г. // Вестник Кузбасского института. 2019. № 4 (41). С. 105-113.

References:

[1] Judicial Code of 1550 // Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes. 2: Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state / resp. ed. A. D. Gorsky; under the general. ed. O. I. Chistyakova. M.: Legal literature, 1985. 520 s.

[2] Cathedral Code of 1649 // Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 vols. T. 3: Acts of Zemsky Cathedrals / rev. ed. A. G. Mankov; under the general. ed. O. I. Chistyakova. M.: Legal literature, 1985. 511 p.

[3] Military article 1715 // Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes. 4: Legislation of the period of the formation of absolutism / rev. ed. A. G. Mankov; under the general. ed. O. I. Chistyakova. M.: Legal literature, 1986. 512 s.

[4] Order of Catherine II of the Commission on the drafting of a new Code // Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes. 5: Legislation of the heyday of absolutism/rev. ed. E.I. Indova; under the general. ed. O. I. Chistyakova. M.: Legal literature, 1987. 528 pp.

[5] Vladimirsky-Budanov M.F. Review of the history of Russian law. Rostov n/a: Phoenix, 1995. 640 p.

[6] Isaev I. A. History of the state and law of Russia: textbook. M.: Prospect, 2012. 800 s.

[7] Mankov A. G. Code of 1649 - the code of feudal law of Russia. L.: Science, 1980. 271 pp.

[8] Cathedral Code of 1649 / podgot. text by L. I. Ivina; resp. ed. A. G. Mankov. L.: Science, 1987. 448 p.

[9] Filippov A.N. On punishments under the legislation of Peter the Great in connection with the reform. M.: University Printing House, 1891. 469 pp.

[10] Bobrovsky P.O. Military law in Russia under Peter the Great. Article military. St. Petersburg: Printing house of V. S. Balashev, 1882. No. 1.

[11] Kistyakovsky A.F. Study on the death penalty. Tula: Autograph, 2000. 272 pp.

[12] Poznyshev S.V. Fundamentals of penitentiary science. M.: Legal publishing house of the NKU of the RSFSR, 1923. 342 pp.

[13] Korablin K.K. Evolution of punishment in the form of imprisonment in the Judicial Code of 1550 // Education and law. 2020. № 11. PP. 281-288. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-11147..

[14] Loba V.E. Understanding the crime and punishment according to the Judicial Code of the XV-XVI centuries // Philosophy of law. 2015. № 3 (70). S. 93-98.

[15] Scope K.E. Corporal punishment in the Russian state of the pre-Petrine period // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4 (48). S. 103-108.

[16] Abdulkhannyanov I. A. Retrospective study of criminal law fiction in the norms of the Cathedral Code of 1649 // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2 (58). S. 172-176. DOI: 10.36511/2078-5356-2022-2-172-176..

[17] Egoshin O. A. Types of punishments against military personnel and their application in the era of Peter I // Mari Legal Bulletin. 2009. No. 7. S. 45-52.

[18] Medvedev A. A. Legal consolidation and practice of the use of punishments related to the restriction of freedom during the reign of Peter I // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2016. № 1 (33). S. 50-53.

[19] Marasinova E.N. The death penalty and political death in Russia in the middle of the 18th century // Russian history. 2014. № 4. S. 53-70.

[20] Mikhailova N.V., Yatskova A.P. Evolution of goals and forms of reference in Russian legislation of the 16th-18th centuries // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 4. S. 105-109. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-4-105-109..

[21] Ivanov A. A., Kuras S. L., Kuras T. L. Siberian exile and its reform during the reign of Peter the Great (XVII-XVIII centuries) // Bulletin of Tomsk State University. History. 2023. № 84. S. 24-31.

[22] Cherekhovich M. M. Development of a system of punishments without isolation from society in Russian criminal law until 1917 // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2019. № 4 (41). S. 105-113.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.